

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ КОМПАРАТИВИСТИКИ

А.Я. Эсалнек

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ КОМПАРТИВИСТИКИ

В статье показано, что компаративистика является важнейшим инструментом типологических исследований; серьезной опорой при анализе произведений в диалогическом аспекте; необходимым средством интерпретации текстов с позиций интертекстуальности; способом оценки возможностей и результатов межнационального общения в ходе переводческой практики и осуществлении мультикультурной политики.

Ключевые слова: компаративистика; диалог; типология; интертекстуальность; перевод.

Движение литературоведческой мысли постоянно рождает новые аспекты в подходе к литературе и вызывает потребность в их осмыслении. К их числу относится и вопрос, вынесенный в заглавие статьи. Постановка данного вопроса в первую очередь предполагает уяснение понятия «современность». Оно было чрезвычайно распространенным в советскую эпоху, когда современность воспринималась как итог и вершина общественного развития и тем самым становилась мерилom истинности и значимости изображаемого или исследуемого. В настоящее время идеологическая окраска данного понятия исчезла, но без ориентации на современность невозможно понимание процессов, происходящих в науке и в жизни. Современностью принято считать период, связанный с активной жизнью того или иного поколения, что составляет примерно около полувека. Однако современное состояние любой проблемы или изучаемого явления неотрывно от его предыстории, которая, как правило, весьма длительна, и от истории, которая начинается с того момента, когда возникает научная рефлексия по поводу того или иного явления и соответствующего понятия.

Научное осознание компаративистики как принципа исследования, а затем и как научной дисциплины, началось во второй поло-

вине XIX века с появлением работ сопоставительного плана, к которым следует отнести труды Брандеса, Бенфея, а еще раньше — Гердера, Гете, Гегеля, вовлекавших в свои исследования материал разных национальных литератур и произведений устного народного творчества. Этому сопутствовали изыскания в области сравнительного языкознания, мифологии, этнографии. Немалую роль играла и реальная переводческая деятельность, в ходе которой осуществлялся перевод произведений с одного языка на другой.

В 60-е годы XIX века такие исследования привлекли внимание А.Н. Веселовского, который, будучи на стажировке в Германии и Италии, активно интересовался работами сравнительного характера, сетовал на их недостаточность и все более погружался в сопоставительное изучение словесности разных народов, приходя к убеждению, что сравнительный принцип исследования — важнейшее средство изучения мировой (всеобщей) литературы и создания исторической поэтики [7].

Как известно, и Веселовский, и западноевропейские ученые, констатируя наличие сходных явлений в разных литературах и стремясь объяснить истоки и причины такого сходства, придавали большое значение процессам влияния и заимствования, порождавшим общность в мотивной, сюжетной, стилистической структуре художественных произведений, принадлежавших разным народам и созданных на разных этапах их развития. Но уже Веселовским была отмечена возможность появления подобных явлений вследствие их возникновения в сходных этнографических условиях, без участия каких бы то ни было контактов — прямых или косвенных.

Высказанная мысль об этнографических или, как сейчас сказали бы, общественно-исторических предпосылках некоей общности, наблюдаемой в жизни отдельных произведений, жанровых образований или целых периодов (если речь идет о литературных направлениях), привела к обоснованию идеи типологических схождений и аналогий, которая была сформулирована В.М. Жирмунским в середине XX века (1967) на V Конгрессе Международной ассоциации по сравнительному литературоведению (АИЛК) в Белграде [7: с. 138].

Ориентация на этот принцип способствовала теоретико-литературному изучению многих литературных явлений, в особенности родов, жанров и стилей. Особенно много внимания было уделено роману. При этом если в 60-е годы XX века в центре внимания генологов был вопрос о соотношении романа с другими повествовательными жанрами, чаще всего с героическим эпосом, то в 1970-е годы объектом исследования стали типологические различия внутри жанра романа. Специалистами в этой области было предложено более пятидесяти типологических вариаций или классификаций романного жанра [16: с. 25–27]. Это способствовало разработке и коррекции теории жанров, зародившейся еще в эпоху Гегеля (а точнее Аристотеля), и обоснованию основных контуров и параметров романного и эпического жанров. Не меньшего внимания заслужила и теория стилей, обогатившаяся многочисленными работами русских ученых, среди которых особое место занимает серия трудов по теории и типологии стилей, созданная коллективом Института мировой литературы РАН [13]. Признание ведущей роли типологических схождений и аналогий не означало отрицания возможности влияний и заимствований, всегда имевших место в развитии мировой литературы.

На рубеже 1960–1970-х годов формирувавшаяся компаративистика получила научную поддержку в «облике» диалогизма, заявившего о себе еще в 20-е годы XX века в работах таких западноевропейских ученых, как Ф. Розенцвейг [11], М. Бубер [5], Ф. Эбнер [15], О. Розеншток-Хюсси [12], объединившихся в философский кружок под названием «Патмос». Однако серьезное обсуждение и распространение идеи диалогизма состоялось в середине XX века после публикации работ М.М. Бахтина. Введение в научный обиход понятия «большое время», а также акцентирование особой значимости процесса преемственности в развитии мирового искусства [2: с. 333] привело к мысли о диалоге текстов, к которым следует отнести не только жанровые образования, которые имел в виду Бахтин, но и другие художественные, а также научные, теологические и философские тексты. Активное внимание к данной идее и проникновение ее в научные исследова-

ния западноевропейских исследователей произошло в 70-е годы XX века благодаря деятельности французских ученых и более всего Юлии Кристевой, познакомившей своих коллег с идеями и известными ей трудами Бахтина [9]. Вскоре диалогизм как принцип понимания и исследования жизни проник в самые разные сферы науки и продолжает оставаться неотъемлемой гранью научной и общественной мысли в начале XXI века. Рассмотрение же любых текстов в диалогическом аспекте невозможно без опоры на сравнительный принцип изучения, в силу чего компаративистика и диалогизм оказываются взаимосвязанными и способствующими сопоставительному изучению многообразных моментов интеллектуальной и художественной деятельности.

К осмыслению новых задач и аспектов компаративистики подталкивает и такое весьма неоднозначное явление современной жизни, как глобализация. Какое бы отношение ни вызывала глобализация, она существует и означает неизбежность разного типа контактов, которые имеют место в области политики, общественной жизни, экономических отношений и требуют сопоставления и сравнения не только разных укладов жизни, политических систем, религиозных верований, национальных ментальностей, но и художественных текстов. Глобализация породила и такое явление, как мультикультурность, на основе которого вырастает и мультимедийность, заслуживающая внимания компаративистов, работающих в области изучения массмедиа.

Еще одно понятие, тесно связанное с компаративистикой, вошедшее в обиход в 70-е годы XX века, но предельно актуализировавшееся на рубеже XX–XXI веков, — это понятие интертекстуальности. «Именно в этом столетии интертекстуальность становится центральной концепцией определенной картины мира — мира как текста» [10: с. 540]. По мнению Н. Беляевой, интертекстуальность является ведущим конструктивным принципом в романе XX века и «входит в круг обязательных при рассмотрении специфики романного жанра» [4: с. 248]. Основы интертекстуальности так же, как диалогизма, были заложены в трудах Бахтина, а именно в его мысли об ориентации на чужое слово и в идее «ого-

воренного», «двуголосого» слова [1: с. 355]. Однако обоснованию теории интертекстуальности мировая наука обязана работам Кристевой и ее учителя и единомышленника Р. Барта. Позднее в изучение этой проблематики включились многие зарубежные и русские ученые — Ж. Женетт, Л. Жени, М. Риффатер, Р. Лахманн, Н. Пьеге-Гро, Ю. Лотман, В. Топоров, Г. Косиков, И. Ильин, А. Жолковский, И. Шайтанов, С. Валулис, Н. Беляева, Н. Фатеева и др.

Поскольку интертекстуальность — относительно «молодое» понятие, его восприятие особенно неоднозначно и тяготеет к двум полюсам. Одно, предельно широкое толкование, принадлежит Кристевой: «Любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст — это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста» [9: с. 167]. Это толкование разделялось и поддерживалось Бартом, который писал: «Любой текст — это интертекст: на различных уровнях, в более или менее опознаваемой форме в нем присутствуют другие тексты — тексты предшествующей культуры и тексты культуры окружающей; любой текст — это новая ткань, сотканная из побывавших в употреблении цитат» [17: р. 1683]. Столь широкое, «безбрежное» понимание интертекстуальности почти с самого начала представлялось недостаточно продуктивным и толкало к поискам более определенных значений. Этому способствовало и продолжает способствовать осмысление разных форм интертекстуальности, таких как цитата, реминисценция, стилизация, пародия, аллюзия и др. Но как бы ни интерпретировалось данное явление, оно обязательно предполагает сопоставление двух и более текстов, при этом самого разного плана — художественных, научных, публицистических, богословских, философских и даже тех, что можно назвать жизненными, если согласиться с известным тезисом: «жизнь как текст» и «мир как текст».

Из сказанного следует, что компаративистика очень тесно соприкасается с интертекстуальностью как областью исследования, а литература дает колоссальный материал для подтверждения этого суждения, предлагая читательскому вниманию бесчисленные примеры художественных произведений разных веков, насыщенных интертекстуальностью, обнаружение которой требует сравнительного

метода изучения. В высшей степени репрезентативна в этом плане литература XX века. «Особенно расцвела интертекстуальность в наш рефлектирующий век, он же — век беспрецедентного преобладания средств коммуникации, знаков, изображений, кодов» [8: с. 17]. Эта-лоном подобного типа произведений считается «Петербург» А. Белого, наполненный «цитатами» из Пушкина, Гоголя, Достоевского, а также аллюзиями, возникающими при сопоставлении текста романа с современными Белому особенностями жизни.

В одних случаях писатели сознательно прибегают к использованию интертекстуальности, в других она оказывается неосознанной и не всегда опознаваемой. Установить какую-либо закономерность в данном процессе вряд ли возможно. Но есть немало случаев, когда тяготение к интертекстуальности свидетельствует о некоей закономерности или хотя бы тенденции. Целесообразно посмотреть с данной точки зрения на романный тип произведений, которые отличаются предельным многообразием, но при этом сохраняют приверженность к изображению такой ситуации, когда в центре внимания оказываются два-три героя, обладающие личностными качествами (т. е. определенным уровнем сознания и самосознания) и способные вступать в интеллектуальный, нравственный или эмоциональный диалог друг с другом, а также с окружающим миром.

При изображении таких героев очень важно воссоздать культурный фон, в атмосфере которого шло формирование их мироощущения. А такой фон можно охарактеризовать упоминанием произведений, читавшихся в то время; имен персонажей, известных читателям, а также философских и научных текстов. Если обратиться к примерам, то нельзя не напомнить о романе Пушкина «Евгений Онегин», в котором названо более тридцати имен поэтов и писателей разного времени, около тридцати имен персонажей — от Федры и Клеопатры (героини опер, ставившихся на петербургской сцене) до Чацкого и Светланы. Не забыты имена Канта и Адама Смита. Присутствуют реминисценции из античности и русского фольклора.

Указанный тип интертекстуальности легко обнаружить во многих русских и зарубежных романах. Например, в произведениях Тургенева апелляция к культурным реалиям постоянна. В жизни героев

и в их общении все время присутствуют мысли о литературе, живописи, музыке, конкретных художниках и писателях. И.А. Беляева устанавливает многочисленные переключки произведений Тургенева, Достоевского, Толстого с произведениями Данте и Гете [4].

Примеры «цитат», подобных тем, которыми насыщен пушкинский и тургеневский романы, большей частью узнаваемы и опознаваемы и сознательно использованы авторами ради воспроизведения внутреннего мира героев. В иных случаях цитаты могут быть скрытыми, завуалированными, имплицитными. Но во всех случаях обнаружение интертекстуальности и оценка ее особенностей немислима без обращения к сравнению, что и создает питательную почву для развития компаративистики и осознания ее возможностей на современном этапе.

Размышляя о роли и значении компаративистики, нельзя еще раз не сказать о такой проблеме, как проблема перевода. Переводческая деятельность осуществлялась во все времена, но предметом научной рефлексии стала в XX веке. В ходе этого и сформировалась мысль о том, что «перевод всегда был и осознавался одной из главных форм межнационального общения, а следовательно, становился объектом сравнительного литературоведения... *Отрефлектированный как компаративная проблема*, перевод меняет набор основных задач не только для переводчика, но и для ученого-компаративиста», — замечает современный исследователь [14: с. 222]. Этой проблеме посвящено немало работ русских и зарубежных ученых.

Обращение к интертекстуальности и тем самым к сопоставительному восприятию художественных произведений существовало во все времена, подчеркивая преемственность и содействуя образованию традиций, благотворных для развития мировой литературы и помогающих читателю в восприятии и осмыслении мира. Данная тенденция нарушилась в последние десятилетия, когда для группы художников, принадлежащих или причастных к течению постмодернизма, интертекстуальность стала не способом углубления в изучение жизни, а средством нарушения традиций и реализации деконструктивных принципов организации текста во имя утверждения идеи хаотичности, децентрированности мира, его алогич-

ности, абсурдности и т. п. В этом случае «цитатность», проявляющаяся в соединении разных текстов и, казалось бы, подчеркивающая мысль о взаимосвязи прошлого и настоящего, приобретает противоположный смысл и свидетельствует о тотальном отрицании закономерности и разумности в жизни человеческого сообщества и отсутствии потребности его изучения в сопоставительном плане, что, по существу, противоречит вековой практике человеческого бытия, сопровождавшегося наличием диалога.

Итак, компаративистика как научная дисциплина и одно из современных направлений литературоведческой мысли предполагает несколько аспектов, являясь: важнейшим инструментом типологических исследований; серьезной опорой при интерпретации произведений в диалогическом аспекте; необходимым средством анализа текстов с позиций интертекстуальности; способом оценки возможностей и результатов межнационального общения в ходе переводческой практики и в осуществлении мультикультурной политики. Иначе говоря, компаративистика предполагает широкое и многообразное поле деятельности, что и обуславливает осмысление ее статуса и теоретических возможностей в настоящее время.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1972. – 470 с.
2. *Бахтин М.М.* Ответ на вопрос редакции «Нового мира» / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 328–335.
3. *Беляева И.А.* Генезис русского классического романа / И.А. Беляева. – Ч. I. – М.: МГПУ, 2011. – 280 с.
4. *Беляева Н.* Русский роман XX века: интертекстуальность как конструктивный принцип / Н. Беляева // Русскоязычная литература в контексте восточнославянской культуры: сб. ст. по мат-лам Международной интернет-конференции (15–19 декабря 2006 г.) / Науч. ред. Т.Л. Рыбальченко. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. – С. 248–263.
5. *Бубер М.* Я и Ты / М. Бубер // Бубер М. Два образа веры / Пер. В.В. Рынкевич. – М.: Республика, 1995. – С. 16–92.

6. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика / А.Н. Веселовский; вступ. ст. И.К. Горского. – М.: Высшая школа, 1989. – 405 с.
7. *Жирмунский В.М.* Литературные течения как явление международное / В.М. Жирмунский // Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1979. – С. 137–157.
8. *Жолковский А.К.* «Чужих певцов блуждающие сны» / А.К. Жолковский // Жолковский А.К. Блуждающие сны и другие работы. – М.: Наука, 1994. – С. 14–30.
9. *Кристева Ю.* Избранные труды / Ю. Кристева. – М.: РОССПЭН, 2004. – 656 с.
10. *Ржанская Л.П.* Художественные ориентиры зарубежной литературы XX в. / Л.П. Ржанская. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 568 с.
11. *Розенцвейг Ф.* Новое мышление / Ф. Розенцвейг. – СПб.: Глагол, 1995. – 652 с.
12. *Розеншток-Хюсси О.* Речь и действительность / О. Розеншток-Хюсси. – М.: Лабиринт, 1994. – 222 с.
13. Теория литературных стилей. – М.: Наука, 1976, 1977, 1982. – 500 с., 494 с., 437 с.
14. *Шайтанов И.* Перевод как компаративная проблема / И. Шайтанов // Шайтанов И. Компаративистика и/или поэтика. – М.: РГГУ, 2010. – С. 217–275.
15. *Эбнер Ф.* Слово и духовные реальности / Ф. Эбнер // Сборник переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. – Минск, 1997. – С. 30–34.
16. *Эсалнек А.Я.* Типология романа / А.Я. Эсалнек. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – 159 с.
17. *Barthes R.* Texte / R. Barthes // Barthes R. Œuvres complètes. – Т. II. – Paris: Seuil, 1994.

A. Ya. Esalnek

Theoretical Aspects of Modern Comparativistics

It is shown that comparativistics is important instrument of typological investigations; serious base for analysis of works in dialogical aspect; necessary means of interpretation of texts from positions of intertextuality; method of evaluation of possibility and results of international intercourse in way of practice of translations and realization of multicultural politics.

Key words: comparativistics; dialog; typology; intertextuality; translation.